
ЛАНА АВИС
ЖИЗНЬ
КОТОРОЙ
Я НЕ ПОМНЮ
18+

Лана Авис

Жизнь, которой я не помню

«Автор»
2026

Авис Л.

Жизнь, которой я не помню / Л. Авис — «Автор», 2026

Эмили двадцать семь. Днем она встречает гостей у дверей закрытого лаунжа, а вечером, после смены, возится со своим стареньким желтым Dodge Viper, мечтая однажды уехать из города. Но тайны потустороннего мира уже на пороге: необузданная магия, которой она не умеет управлять, и шесть прошлых жизней, от которых не осталось даже воспоминаний, только татуировка ворона на левой лопатке. Зато воспоминания о ней есть у демона. Деклан знает про Эмили больше, чем она сама. И каждый раз рядом с ним у нее внутри что-то екает, а кулон, который она носит с детства, теплеет на груди. Он готов поделиться тем, что знает, но у каждого ответа есть своя цена, и называть ее он привык вслух.

© Авис Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Парк. 5
Глава 2. Дом. 9
Глава 3. Дневник. 12
Глава 4. Гнездо. 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Лана Авис
Жизнь, которой я не помню

Глава 1. Парк.

Тяжелые капли дождя обрушились стеной на город, едва я успела на сегодня закончить с ремонтом желтого Dodge Viper 90-х годов, выкупленного прошлым летом с аукциона по дешевке. И с тех самых пор он стоял в мастерской на окраине старого заброшенного парка, вытягивая из меня едва ли не все мое свободное время и деньги. Поскольку ни того, ни другого в избытке у меня не было, пришлось целых восемь месяцев биться за то, чтобы этот старичок вернулся в строй. И вот осталось только поменять коробку, которую я заказала пару месяцев назад и до сих пор жду. Минусы доставки с китайского рынка, зато дешево, что тут сказать.

Как бы там ни было, я никогда не оставляла надежду на то, что смогу когда-нибудь пуститься в путешествие и оставить позади этот мрачный городок. Когда-нибудь, когда закончу с ремонтом.

Если бы я знала, чем закончится этот вечер, то отложила бы ремонт до следующего раза и ушла бы домой пораньше. Но разве о таком можно знать заранее?

- Черт, - прорычала я, откидывая в сторону маслянистую тряпку, упавшую прямо на старенькое радио.

По этому самому радио еще утром синоптики щебетали о надвигающейся грозе, но зонт я, конечно же, не взяла. Раз в год и палка стреляет, но до сегодняшнего дня я и подумать не могла, что это касается и наших прогнозов погоды. Я вздохнула, вытерла руки о потертые рабочие джинсы и подошла к термосу с недопитым чаем, делая жадный глоток.

Ветер беспрепятственно залетал в открытую дверь и неприятно освежал обнаженные участки кожи. Дождь и не думал стихать, так что я привалилась к верстаку и вытащила из-под растянутой старой футболки кулон: тонкая цепочка с маленьким камнем цвета неба перед грозой, голубой с серым, как и мои глаза. Папа говорит, что глаза мне достались от него и от мамы, поровну. В тусклом свете мастерской камень лениво менял оттенок, будто тоже не мог решить, какой он сегодня. На обратной стороне кулона, у самой оправы, был небольшой выступ, что-то вроде заводского брака, который я иногда использовала в качестве антистресс-игрушки, поглаживая подушечкой большого пальца. Мама умерла, когда я родилась, и этот кулон был единственным, что осталось у меня после нее. Глупо тосковать по человеку, которого ни разу не видела и не слышала, но я тосковала.

- *Привет, мам, машина все еще не готова,*- буркнула я вполголоса, глядя на камень, который, как и положено камню, в ответ лишь промолчал.

Когда ливень закончился, уже стемнело. Пятьдесят минут в ожидании затишья, чтобы потом идти домой в темноте: вот и весь мой вечер. Хотя кого я обманываю: домой после смены я никогда не спешила.

В свои двадцать семь лет я каждый день с двенадцати дня до пяти вечера встречала гостей у дверей «Гнезда» - закрытого лаунж-бара, запись в который была забита на полгода вперед и счет в котором выходил таким, что можно было бы купить подержанное авто. И после каждой такой смены я спешила в мастерскую и возилась со своим стареньким автомобилем. Без опозданий и без задержек. Все просто, хотя бы в этом плане.

Я вышла из мастерской с тяжелой сумкой, закрыла дверь на ключ и осмотрела последствия непогоды: единственную дорогу, видавшую лучшие времена, но зато асфальтированную, залило так, что без высоких рыбацких сапог было не пройти. Вот они, минусы аренды дешевой мастерской в низине. К счастью, был и другой вариант: тропинка, вымощенная из скудного

количества щебенки. Сейчас этот вариант выглядел куда предпочтительнее: тропинка не была затоплена и уводила вверх через старый заброшенный парк. Но были и минусы: только богу было известно, кто обитал в этом парке после захода солнца.

Любая другая девушка, наверное, выбрала бы пробираться по размытой, зато освещенной дороге, но я, к сожалению или к счастью, к этой категории не относилась. Впрочем, я надеялась, что в случае опасности мои скудные магические способности не останутся в стороне. Я не могла управлять ими силой мысли, они проявлялись по собственному желанию, и каждый раз я лишь могла пожинать плоды за их проявление. В нашем мире у магии была цена, и эту цену платили все, какой бы она ни была.

- Или все-таки пойти по улице? - буркнула я себе под нос, но в следующую секунду решительно отмахнулась от этой мысли, крепче сжала тяжелую сумку в руке и сделала шаг вперед.

Внутренний голос протестовал и порицал мое решение, но такое случалось довольно часто, да практически постоянно, если быть откровенной. *«Сделай то...», «Нужно не так», «Сделай это...»* - и все в таком духе, только проку ноль.

Внутренние споры и размышления так меня увлекли, что я и не заметила, как добралась до самого сердца парка, ни разу не упав и не поцарапавшись о ветви.

Парк лет десять назад был популярным местом, а теперь часть фонарей не работала, часть накренилась, но некоторые все-таки подавали признаки жизни, за что я была им очень благодарна. И когда я уже готова была признать, что удача повернулась ко мне лицом, я увидела две тени.

- *Может, мерещится?*- мелькнуло у меня в голове.

Но нет, это не были игры разума. Двое незнакомцев были в трех метрах от меня, и они дрались. Тот, что пониже, блондин, пытался убежать от нападавшего, но последний лишь по мановению руки заставил того отлететь на несколько метров и впечатал лицом в дерево. Это уже точно не было нормальной дракой.

До того места, где я притаилась, отчетливо донесся хруст ломающихся костей лица и резкий вскрик. А затем я увидела, как блондин снова оказался в воздухе, словно марионетка, и его безвольное тельце полетело в мою сторону.

- *О, чудесно…* - подумала я.

Существование сверхъестественного не было для меня открытием, но я еще ни разу не сталкивалась с подобным лицом к лицу: во-первых, меня оберегал отец, не позволяя погружаться в наш мир слишком глубоко, а во-вторых, существовали правила, которые отец доходчиво до меня донес. Наш мир не открывался смертным. Сделки с демонами - табу. И ни при каких обстоятельствах нельзя было попадаться Палате Тишины. Что происходило с нарушителями, я не знала, но это неведение меня беспокоило не так сильно, как то, что мне давно пора было быть дома: отец слишком остро реагировал, если я не приходила домой к полуночи, и с годами этот факт не менялся.

И еще один факт: судьба преподнесла мне плохой подарок, передо мной были не люди.

Отброшенный блондин приземлился в лужу в шаге от меня, с тяжелым стоном перекатываясь и пытаясь подняться. Я едва успела отпрыгнуть назад, чтобы не попасть под раздачу. Мужчина был изрядно потрепанным: мокрый, с перекошенным в двух местах носом, маленькие ветки с торчащими на них листочками запутались в грязных светлых волосах вместе с землей, а следы свежей крови украшали не только его лицо, которое сейчас было похоже на месиво. Кровь на нем смешалась с землей, грязной водой из лужи, и была она не только на его залитом лице, но и на одежде, местами порванной. А в воздухе витал стойкий металлический аромат, да, такой, что становилось тошно. Еще мгновение, показавшееся мне вечностью, и лицо блондина повернулось в мою сторону с таким видом, будто перед ним оказалась большая проблема. Я могла поклясться, что на доли секунду он не совладал с выражением лица:

глаза, заплывшие и тяжелые, удивленно распахнулись, а рот, и без того не закрывающийся от жадных попыток продышаться, замер.

- Кто это у нас такой любопытный? - прозвучал спокойный бархатистый голос, и доносился он не от опешившего блондина у моих ног.

Нападавший. Его темная высокая фигура переключила все свое внимание на меня, как и я свое на него. Этого короткого промедления было достаточно, чтобы блондин нетвердо вскочил на ноги и скрылся из виду. Стоит ли его винить за это?

Инстинктивно я попыталась сделать то же самое, отступая еще на шаг назад, но уперлась спиной в дерево. Просто прекрасно. А незнакомец с бархатистым голосом тем временем шагал в мою сторону куда увереннее и быстрее, чем мне бы того хотелось. Его пристальный взгляд то и дело изучал меня с ног до головы, словно и не блондин был его истинной игрушкой, а я.

- Ну и кто же это мне попался, да еще и с таким милым личиком? - продолжал он все тем же голосом.

- Я тебе не милая, - фыркнула я, не желая принимать неуместный комплимент.

Мой внутренний голос запротестовал, и мне действительно стоило бы прикусить язык, но было уже поздно.

- Разве тебе не страшно? - продолжал незнакомец, явно не теряющий интереса к новой цели.

А было ли мне страшно? Бояться в этой ситуации - естественно, как и бежать, но я просто стояла и смотрела на приближающегося незнакомца. Хотела ли я в этот момент телепортироваться домой? Определенно. Но такие способности отсутствовали в моем арсенале. Хотела бы я, чтобы силы проснулись и помогли мне сбежать? Пожалуй. Но они, как и всегда, были недосягаемы, спрятаны где-то в глубине меня.

- Меня зовут Деклан, а тебя? - спросил он таким тоном, словно мы встретились в библиотеке при свете дня, и словно несколько минут назад он не пытался кого-то размозжить в темном парке.

- Эмили, - ответила я, и голос мой звучал увереннее, чем я себя ощущала.

И я была рада, что голос не дрогнул, не предал меня в отличие от тела, буквально остолбеневшего. В воздухе так и ощущалось напряжение, холодное, электрическое, кожа покрылась странной россыпью мурашек, а дыхание с трудом сохраняло свой привычный ритм.

Один из немногих уцелевших в парке фонарей мигнул, и я увидела внимательный взгляд Деклана, скользнувший вниз от моего лица к груди. На короткое мгновение я задержалась на его глазах - разные, один цвета голубого неба в пасмурную погоду, а второй - как будто горький шоколад с едва уловимым золотым отливом. Вживую я никогда раньше не видела людей с гетерохромией.

- *Людей,* - насмешливо произнес настороженный внутренний голос, вовремя, ведь я чуть было не упустила из виду тот факт, что цепочка кулона больше не тяжелила мне грудь, а покоилась поверх футболки. Неужели забыла спрятать? Ну точно: доставала кулон в мастерской и не убрала, напрочь забыв наставления отца.

Деклан сделал еще несколько шагов ко мне, и его улыбка на миг стала другой: почти довольной, как у человека, который узнал знакомую вещицу на чужой шее. Мне это не понравилось. Как и то, что его высокая фигура подошла слишком близко, по моим меркам.

На нем были темная футболка по фигуре и джинсы, а отросшие темные пряди небрежно падали на лоб. В любой другой ситуации я бы оценила его небрежный образ как нечто весьма сексуальное. Но сейчас не любая другая ситуация, и я не героиня любовного романа.

Он протянул руку, не ко мне, к кулону, уверенным жестом, и в этот момент краем глаза я уловила у него на запястье татуировку: черную тонкую змею, обвивающую его руку так плотно, что на секунду она показалась живой.

По инерции я отбила его ладонь раньше, чем успела осознать, что делаю, отступая на шаг назад и быстро пряча кулон под свою футболку, где ему и место. Деклан не обиделся и не стал сокращать и дальше расстояние между нами, он лишь шире улыбнулся, будто я ответила на вопрос, который он так и не задал. Мужчина неспешно убирал руку в карман, не говоря ни слова про кулон. Ни единого.

- Не стоит ходить по темным заброшенным паркам одной, Эмили, - мягко протянул он, смакуя мое имя у себя на языке. - Надеюсь, еще увидимся.

И он просто исчез в тенях, так что мне на миг показалось: а не игры ли это моего больного воображения, или, быть может, сон. Но это была реальность.

Прошла секунда, две, три, не знаю. Я стояла и смотрела туда, где еще недавно был Деклан, ощущая странное напряжение внутри, будто что-то встрепенулось в самой глубине. Любопытство? Оно определенно было, а у кого бы не было?

- *У нормального человека,* - пробурчал внутренний голос недовольно.

Но все-таки кто он? И какой же силой нужно обладать, чтобы отбросить соперника на пару-тройку метров, даже не прикасаясь к нему? И почему он переключился на меня и позволил своей жертве ускользнуть? И что, ради всего святого, ему понадобилось от маминого кулона?

Глава 2. Дом.

Вопросы один за другим сменялись у меня в голове. И этот поток остановило лишь одно внезапное воспоминание о том, как бабушка мне рассказывала о дневнике, в который записывала все знания, и который должен был перейти со временем ко мне. Стоит ли упомянуть, что бабушка тоже не была простым человеком?

Раньше меня этот дневник не интересовал, да и интересоваться чем-то подобным мне не позволяли. Но сейчас у меня была стойкая уверенность, что ответы находятся в нем. Что именно я хотела найти в этом дневнике, я и сама не представляла, зато эта мысль заставила меня прийти в себя и двинуться с места, в сторону дома.

Я совершала немало неразумных и странных поступков за всю свою жизнь, некоторые стерлись из памяти, а некоторые останутся со мной до последнего вздоха. Как, например, две мои татуировки, которые я сделала совершенно спонтанно: ворон на левой лопатке и «Помни о том, кто ты есть» внизу живота, сбоку, прямо рядом с подвздошным гребнем. Когда мне было двадцать, мы с подругой детства выбрались в соседний городок на рок-концерт местной группы, заночевали в придорожном мотеле, а наутро я проснулась со стойким желанием сделать именно эти татуировки и все тут. Ох, как же тогда кричал мой отец, да еще и посадил под домашний арест. До сих пор не понимаю, почему он так опекает меня в мои-то годы, а главное - почему я иду у него на поводу. Правила? Будь я на приеме у психолога, точно бы услышала, что именно отсюда и растут ноги у моей навязчивой идеи поскорее закончить с ремонтом машины и умчаться куда подальше на поиски приключений и свободы. Подальше от дома, подальше от правил, подальше от этого потустороннего мира с его законами.

Но, как бы там ни было, сегодняшняя история и в подметки не годится моим прошлым историям.

Как только входная дверь за мной захлопнулась, я тут же направилась вверх по лестнице в сторону чердака. Да-да, именно там и хранился весь хлам и рабочая зона бабушки, включая ее дневник, который технически мне не положено было брать, но, эй, он все равно когда-то будет моим. Стоило мне наступить на первую ступеньку лестницы, ведущей наверх, как из гостиной донесся раздраженный голос отца. Это было ожидаемо.

- Ты поздно. - Я пошла на голос в гостиную, делая медленный выдох и готовясь к допросу.

Кроме отца, Альберта, в гостиной были брат Кайл и бабушка Ирэн, чьи записи я так рвалась прочитать под шумок. Отец пристально на меня смотрел, и прежде, чем его взгляд дошел до моего лица, он дольше обычного задержался на вороте футболки, там, где под тканью покоился кулон. В тот момент я не придала этому значения.

Мой отец - маг, но я ни разу не видела, чтобы он пользовался магией. Ни разу. В детстве я как-то раз пришла к нему, сидевшему, как и сейчас, в кресле у камина, и спросила:

- Пап, ты ненавидишь магию?

- С чего ты это взяла? - с улыбкой спросил он в ответ.

- Ты никогда не колдуешь, Кайл и бабушка постоянно, а ты - нет…

- Милая, мне не нужна магия, чтобы решать свои проблемы словами или делом, - ответил он мне тогда, и мы с ним больше не возвращались к этому вопросу, хотя мое любопытство никуда и не делось.

Никто в семье не собирался делиться со мной знаниями, даже брат, который был старше меня всего на два года, и при этом уже был в курсе всех семейных дел и обучен магии. Вместо учебы я должна была следовать непоколебимому правилу: не-используй-магию-в-доме-на-людях-или-в-иных-обстоятельствах. Вот и все. Остальное я собирала по кусочкам: ангелы стирают память, демоны заключают сделки, ведьмы играют словами, вампиры жаждут крови. И над всем этим Палата, непрестанно бдящая за всеми и за соблюдением правил. И я, конечно

же, хотела докопаться до истины и узнать о мире, в котором живу, но это было тщетно. Я также пыталась овладеть своими силами, но это как пытаться перенести воду вилкой из одного стакана в другой, если не хуже. Однажды у меня почти получилось сдвинуть с места стакан силой мысли: могла поклясться, что он дрогнул. И в ту же самую секунду у меня хлынула кровь из носа. Горячая и густая, она стекала по губам и тяжелыми каплями падала на мою одежду и пол. Было страшно. Как сейчас помню, как у меня кружилась голова, как я пыталась остановить поток крови кухонным полотенцем, как темно-красные пятна пачкали светлую скатерть на кухонном столе, и как меня застукал брат.

- *Сила всегда берет плату, но не всегда называет цену сразу,*- серьезно прокомментировал он тогда, и эта фраза запечатлелась у меня в памяти по сей день.

- Так и что же случилось? Почему ты так поздно? - раздраженно спросил отец, вырывая меня из воспоминаний.

Я знала, что он просто переживает и заботится обо мне, по-своему. И я верила в это всем сердцем.

- Ты же видел, какой там лил дождь? - закатила я свои серо-голубые глаза и плюхнулась в кресло напротив отца и по правую сторону от брата. - Я просто не взяла зонт и решила переждать его в мастерской, - буднично ответила я, и это была чистейшая правда, просто не вся.

- Ой, а вся в грязи ты и с листьями в волосах, наверное, потому что дождь в мастерской пережидала? - усмехнулся любимый братец, лениво переводя взгляд со своего ноутбука, в котором что-то печатал, на меня и обратно.

Я раздраженно стиснула зубы, желая его пнуть как следует, но воздержалась. Еще свежо было воспоминание, когда в тринадцать лет я попыталась его пнуть, и у меня почти получилось. Почти. Он как раз варил свою непонятную жижу на кухне в котелке на плите (вот они, плюсы двадцать первого века, никаких костров не нужно) и приговаривал со смехом, какой он чертовски великий. А ведь жижа в итоге оказалась на моих волосах и склеила их так, что пришлось стричься под мальчика. К слову, короткие волосы мне совсем не пошли, сейчас же у меня длинные темные волосы до талии, и расставаться с ними я не планирую.

- Да какое тебе вообще дело? - скрипя зубами, ответила я.

- Эмили! - воскликнул отец, явно ожидая подробностей.

Бабушка Ирэн при этом не шелохнулась, все так же сидя в своем кресле, но взгляд ее, который я заметила краем глаза, был внимательнее, чем у нас всех, вместе взятых.

- Дорогу размыло, - нехотя начала я, - так что пришлось идти через парк.

- Заброшенный парк? - осторожно переспросил отец, как будто действительно надеялся, что есть еще какой-то парк рядом с мастерской, но я на это лишь пожала плечами и вздохнула, принимая поражение.

- Как ты вообще додумалась идти через парк? Одна! В темноте! - восклицал он, вскакивая на ноги и обеспокоенно расхаживая туда-сюда по комнате. - А если бы ты наткнулась на какую-нибудь нечисть, Эмили? Что было бы тогда?!

- Так я и наткнулась, - тихо сорвалось у меня с губ.

Это было очень и очень глупо. Мои слова были отчетливо услышаны. Это один из тех немногих моментов, когда стоило бы прислушаться к внутреннему голосу и помолчать.

- Что? - переспросил отец чисто риторически и начал гневно и обеспокоенно пыхтеть, как паровоз.

- Шутка, - невинно улыбнулась я, поднимаясь на ноги и потягиваясь, будто совершенно ничего такого действительно и не происходило, - просто пошутила, правда. Если это все, я пойду? Хочу помыться и лечь…

Видит бог, я пыталась переиграть и предотвратить катастрофу. И мне действительно показалось, что вышло очень даже естественно и успешно, но, как известно, остановить мча-

щийся на тебя поезд проблематично. Особенно если название этому поезду «НЕПРИЯТНОСТИ».

- Если это еще раз повторится, - перебил меня отец, пока что поверивший моим словам про шутку, - я заблокирую твои силы и приставлю к тебе брата, раз ты не в состоянии следить за своей безопасностью.

- Эй, - заворчал брат, хмуро смотря на отца, но тот явно был настроен решительно.

- Я поняла, поняла, - со вздохом ответила я, слегка прикусив язык, чтобы лишнего не наговорить.

Я разделяла чувства брата и уж точно не хотела, чтобы он стал моей нянькой в мои двадцать семь лет и ходил за мной по пятам, и так никакой личной жизни. А вот насчет блокировки сил я не слишком переживала, я все равно не могла ими осознанно пользоваться.

Уходя, я коротко встретилась взглядом с бабушкой Ирэн, которая сидела в своем кресле у окна и вязала. Она не сказала ни слова. Но у нее был такой взгляд, что мне показалось, будто она знает про парк больше, чем отец. Это было неприятное чувство, и я решила не думать о нем сейчас. Может, это вообще просто моя паранойя.

На чердак сегодня я уже не пошла: сил не осталось. Чердак подождет до утра, и я встану пораньше и проберусь туда, пока все еще спят.

Добравшись до своей комнаты, я быстро приняла горячий душ, переоделась в пижамные шорты и свободный топ и плюхнулась в постель. Чисто, тепло и безопасно - идеально. Еще несколько минут назад мне казалось, что стоит голове упасть на подушку, как я сразу усну, но увы. Я еще долго лежала в темноте и смотрела в потолок, прежде чем провалилась в сон, слыша на задворках сознания голос Деклана: *«Надеюсь, еще увидимся»*. И самое странное, что я тоже на это надеялась. Я сжала в ладони кулон, и мне на миг показалось, что камень стал теплым. Конечно, показалось, ведь камни сами по себе не греются.

Я уже почти провалилась в сон, когда в коридоре послышались шаги. Тяжелые, но осторожные, они остановились у моей двери, и в тонкой полоске света под ней застыла тень. Тень простояла секунду-другую, а затем начала отдаляться, и до моих ушей донесся приглушенный голос отца: «Нет, она ничего не знает. Мне нужно еще немного времени…». А затем хлопнула дверь, и дом погрузился в такую тишину, что с легкостью можно было услышать стук собственного сердца. Времени на что? И с кем он говорил?

Глава 3. Дневник.

Утро началось не с будильника и не с чашки ароматного горячего кофе, а с назойливого стука в дверь. Кайл. Брат барабанил по двери так, словно в доме начался пожар или закончился кофе.

- Подъем, блудница парка! - гаркнул он из коридора с плохо скрываемым смешком в голосе, тем самым вызывая мое недовольное ворчание. - Листья из волос, кстати, можешь не вынимать, тебе идет!

Я зарылась лицом в подушку, бормоча в нее все, что думала о брате как о явлении природы. Внутренний голос немедленно встал на сторону Кайла и напомнил, что я планировала уединенную вылазку на чердак.

Когда я умылась и спустилась вниз на кухню-гостиную, там уже шла утренняя планерка семейства: отец стоял у плиты с серьезным видом, Кайл, как всегда, был со своим ноутбуком: в любое свободное время он там или что-то печатал, или смотрел. Я втайне надеялась, что это не по работе, чтобы он съехал. Минус один в доме - плюсик к личному пространству, которое он нещадно нарушал сейчас: тост с сыром буквально испарился из-под моих пальцев с общей тарелки. Тем временем бабушка Ирэн, кажется, и вовсе не уходила с вечера, продолжая вязать у окна с таким рвением, будто от этого зависела не только ее жизнь, но и наши.

- В «Гнездо» сегодня привозят поставку с десяти утра, - сказал отец, допивая свой кофе. - Мы с Кайлом выезжаем сейчас и вернемся поздно. Ты начинаешь в двенадцать, как всегда.

- Как всегда, - согласилась я и потянулась за другим тостом, и этот я не собиралась упускать.

Удача мне улыбнулась, и я принялась есть свою сырную добычу. Тем временем отец поставил пустую чашку на стол и повернулся ко мне с каким-то настороженным взглядом.

- И еще. Ночью в «Гнездо» тебе нельзя. Ни сегодня, ни на этой неделе, в идеале никогда и ни под каким предлогом. Ты это помнишь?

- Пап, я там с двенадцати до пяти, и мне этого по горло хватает, - отмахнулась я от этого предостережения. - Что мне там делать ночью? Пить коктейли памяти и смотреть, как нечестивая элита борется за столики?

- Я спросил, слышала ли ты, - ровно повторил он, все еще ожидая конкретный ответ от меня.

- Да-да, я помню, доволен?

Отец кивнул, но глаз не отвел. Его взгляд скользнул к вороту моей футболки, туда, где под тканью спрятался кулон, и задержался на секунду дольше, чем нужно. Что это с ним?

- Носи его под одеждой, Эмили. Всегда. И не снимай.

- Я и ношу, - закатила я глаза, и это было правдой, почти.

Отец с братом уехали: сначала послышался звук закрывающейся двери, затем звук мотора. И дома наконец-то стихло, не считая едва слышного стука бабушкиных спиц друг о друга, ровного, словно метроном. Я неспешно налила в термос кофе. Какое приключение без чашечки кофе? Особенно с утра.

- Бабуль, я на чердак, достану свою старую кожанку.

- Куртка в шкафу в коридоре, - сказала та, не поднимая головы от своего очередного вязания, которое, казалось, не заканчивалось.

- За другой, - непринужденно протянула я.

Бабушка на секунду замерла и подняла на меня выцветшие серо-голубые глаза, и взгляд у нее был слишком внимательный для человека, который считает петли.

- Третья ступенька скрипит, - сказала она. - Если не хочешь, чтобы я слышала - перешагни.

И она снова вернулась к вязанию, как ни в чем не бывало. Вот и на чьей же она стороне? Но выяснять я не стала, лишь кивнула и неспешно пошла по лестнице наверх, перешагивая ту самую скрипучую ступеньку. Не из страха, что она услышит, разумеется.

- *Ага, конечно, не поэтому,* - язвительно прозвучал внутренний голос, который я в очередной раз проигнорировала.

Чердак встретил меня ароматами сушеных трав, которые висели по правую сторону над рабочим столом бабули. Она умело варила целебные зелья, если того требовал случай, или у нее было настроение. Сквозь витражное окно под крышей пробивались утренние лучи, в них лениво плавала пыль. Здесь же, на чердаке, хранились бабушкины склянки, вязания, книги, сундуки с сезонными вещами и бог знает чем еще, вешалки со старыми платьями, накрытая тканью старая швейная машинка, которой на моей памяти никто не пользовался, и зеркало прошлого века, накрытое простыней, которую приподнимать не было никакого желания.

Поиски дневника тянулись, казалось бы, целую вечность: пришлось перебрать целый сундук, прежде чем дневник нашелся. Он лежал на самом дне под стопкой шалей, завернутый в лоскут, который, в свою очередь, был перемотан серой пряжей. Узлы шли не как попало, а по какому-то замысловато сплетенному рисунку, похожему на руну. Это точно бабушкина работа. Я постаралась запомнить все детали, чтобы потом вернуть все на место так, чтобы никто ничего не заподозрил. Хотя втайне я надеялась, что этот сверток просто больше никому не будет интересен хотя бы в ближайшие годы.

Дневник выглядел как самая настоящая книга, а не какая-то там тетрадь или блокнот, тяжелая, в кожаном переплете с обугленным левым углом, а корешок был заново сшит желтыми нитками, грубо и наспех, в несколько слоев. Страницы явно клеили, подшивали, подкладывали, и даже на ощупь было понятно, что книгу собирали по кусочкам, словно склеивая разбитую чашку.

- А вот и ты, - благоговейно прошептала я.

На первом листе бисерным почерком было выведено одно слово: «Родословная». Я села поудобнее в позу лотоса, сделала глоток крепкого теплого кофе из термоса и принялась листать наугад. Меня беспокоила мысль о том, что меня могут поймать с поличным, поэтому следовало поторопиться, а значит, детально изучить все листы не получится. Точно не в этот раз.

Записи шли разными почерками и разными чернилами: рецепты настоек, заговоры, заметки о судьбах, список родов, которые следовало обходить стороной. В углу каждой записи стояла подпись, всегда женская: Агата, Элин, Мариса, Роза. Книга передавалась по женской линии, каждая из моего рода добавляла в нее что-то свое. Ближе к концу я нашла аккуратные мелкие записи с подписью «Ирэн», сплошь про травы и отвары, ничего стоящего. А дальше я наткнулась на другую подпись - «Моника».

Я задержала дыхание дольше обычного, проводя пальцем по подписи: мне хотелось прикоснуться не только к заурядным загогулинам на пожелтевшем грубом листе, но и к женщине, что эти самые загогулины оставила. И ведь я никогда раньше не видела ни ее почерка, ни ее самой: ни на фотографии, ни в памяти. Не сохранилось ничего, кроме кулона, который сейчас мирно покоился у меня на шее.

Помню, в один из дней в детстве я назойливо бегала вокруг отца и снова и снова просила дать мне хоть одну фотографию, хоть что-то, на что получала снова и снова один и тот же ответ: *«Их нет, не сохранились. У тебя же есть кулон, носи его».*

Глубоко вдохнув, я вернулась к реальности, жадно поглощая написанные косым, торопливым почерком строки. Строки, в которых, казалось бы, ничего особенно и не было, но я все равно на мгновение предалась сентиментальности, пробегая глазами по странице: *«Альберт опять не спит…», «Кажется, будет девочка…»*, и еще что-то про травы. Вот и все, что она оставила после себя в этом дневнике.

- Ну вот, - раздался как будто со стороны тихий сиплый голос, мой.

Я потянулась рукой к кулону и сжала его в кулаке. Он был все такой же равнодушный, холодный и молчаливый. Могло ли быть иначе? Камни - это просто камни, они безмолвны.

После маминой записи страницы шли обрывками, некоторые аккуратно срезаны под корешок, другие были целыми, но совершенно пустыми, будто кто-то стер все слова с них. С обреченным вздохом я опустила ладонь на пустую страницу, ощущая под ладонью грубые бороздки, и на миг мне показалось, что там действительно были когда-то буквы.

- *Словно кто-то их почистил,*- эхом раздался мой внутренний голос, и я склонна была согласиться, пусть же возрадуется этому.

И все же, наспех копаясь в дневнике, я не понимала, что именно хочу найти в нем или что мне будет полезно найти, но продолжала хаотично перелистывать страницы в поиске чего-то. И тут мой взгляд зацепился за раздел «Договоры», в котором было целых шесть страниц, исписанных разными почерками. И хотя этот раздел явно пользовался популярностью у многих женщин моего рода, но я на первый взгляд видела в нем лишь какую-то несуразицу: *«Тэм берет имена», «Вэйл забирает сны», «Кориал забирает первенцев»*. Похоже на шутку, глупую и неуместную.

Я нахмурилась, продолжая пробегать глазами по страницам и особенно ни на чем не останавливаясь. И вот мгновение спустя я уже собиралась закрыть дневник в полной уверенности, что пользы в нем для меня на текущий день нет, как вдруг наткнулась на знакомый мне почерк, мамин. Здесь она все так же писала впопыхах, неразборчиво, а часть слов расплылась от воды, да так, что едва можно было разобрать суть:

«Деклан. Кукловод. Нити… Не заключай сделок… если цена назван…».

Ни подписи, ни даты, больше ничего. Нижний край листа, и без того потрепанный, был темным и ломким.

- *Обгоревшим*, - подсказал мне внутренний голос, а после не преминул напомнить: Деклан.

- Глупости, не такое уж и редкое имя, - трезво выдохнула я, но мысли снова и снова возвращались к фразе из дневника.

Тезок действительно на свете должно быть очень много, не меньше целой футбольной команды. Но вот только каковы шансы, что в нашем потустороннем мире, в нашем городке найдется еще один Деклан? Тем более, он так умело преследовал и отбрасывал противника, будто действительно играл с ним, как с марионеткой.

Я по инерции опять схватилась за кулон, смотря, как тот покоится у меня на ладони и размышляя о Деклане. Но никаких комментариев от камня не последовало, впрочем, как всегда.

«Надеюсь, еще увидимся» - всплыло в моей памяти, но я на это лишь хмыкнула, возвращаясь в настоящее.

Когда я уже собиралась закрыть дневник и вернуть его на место, кулон опять потеплел, ощущаясь как чашка, из которой только что выпили кофе. Я застыла, уставившись на камень в моей руке. Показалось? Или металл с камнем просто нагрелись от тепла моей кожи под футболкой? Это звучало логично. К тому же, на чердаке душно.

- *Душно,* - ехидно протянул внутренний голос.

- Душно, - твердо повторила я вслух.

Стоило мне это сказать, как за спиной скрипнула половица. При этом третья ступенька молчала, я точно ничего не слышала. Бабушка передвигалась по дому совершенно бесшумно, иногда это даже пугало. Я сглотнула и осторожно повернулась. И точно, Ирэн стояла в дверях с пустыми руками, без вязания, и смотрела на меня, как на открытую книгу.

- Бабуль, я… - начала я, судорожно перебирая в голове варианты и вспоминая, зачем я, по ее мнению, вообще планировала сюда идти.

- Не надо, - отмахнулась она. - Врать ты не умеешь совершенно, вся в мать.

Она медленно подошла ко мне, наклонилась, всматриваясь в открытый дневник. Я была уверена в том, что именно она увидела: те же самые строки, которые совсем недавно читала и я, с той самой страницы, где было написано про Кукловода.

- Как ты ее нашла? - спокойно уточнила она, и стоит отдать ей должное, в лице она не переменилась ничуть.

- Просто… листала, листала и вот нашла, - тихо ответила я, облизывая пересохшие губы.

- Вчера утром, - медленно произнесла бабушка, - когда я перебирала дневник, этой страницы не было.

- Может, ты ее пропустила?

- Я хранила эту книгу сорок лет, девочка, и я знаю ее от и до, так же, как ты знаешь, сколько болтов в двигателе.

Она забрала у меня книгу и закрыла ее, аккуратно заворачивая в лоскут и перевязывая серой пряжей, точно так же, как я ее и нашла. Узлы определенно были магической руной, иначе и быть не может. Закончив с дневником, она посмотрела на меня и протянула мне этот сверток.

- Положи на место. И никому не говори, что видела его. Никому, даже отцу и брату.

После этих слов она просто спустилась вниз, бесшумно, так, что на чердаке не скрипнула ни одна доска под ее ногами, а я осталась еще какое-то время сидеть на полу, рядом с остывающим кофе и дневником, в котором еще вчера утром не было страницы про Деклана. А теперь есть, как и в моей памяти.

Глава 4. Гнездо.

Моя работа в «Гнезде» состояла в том, чтобы говорить «Вас нет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.